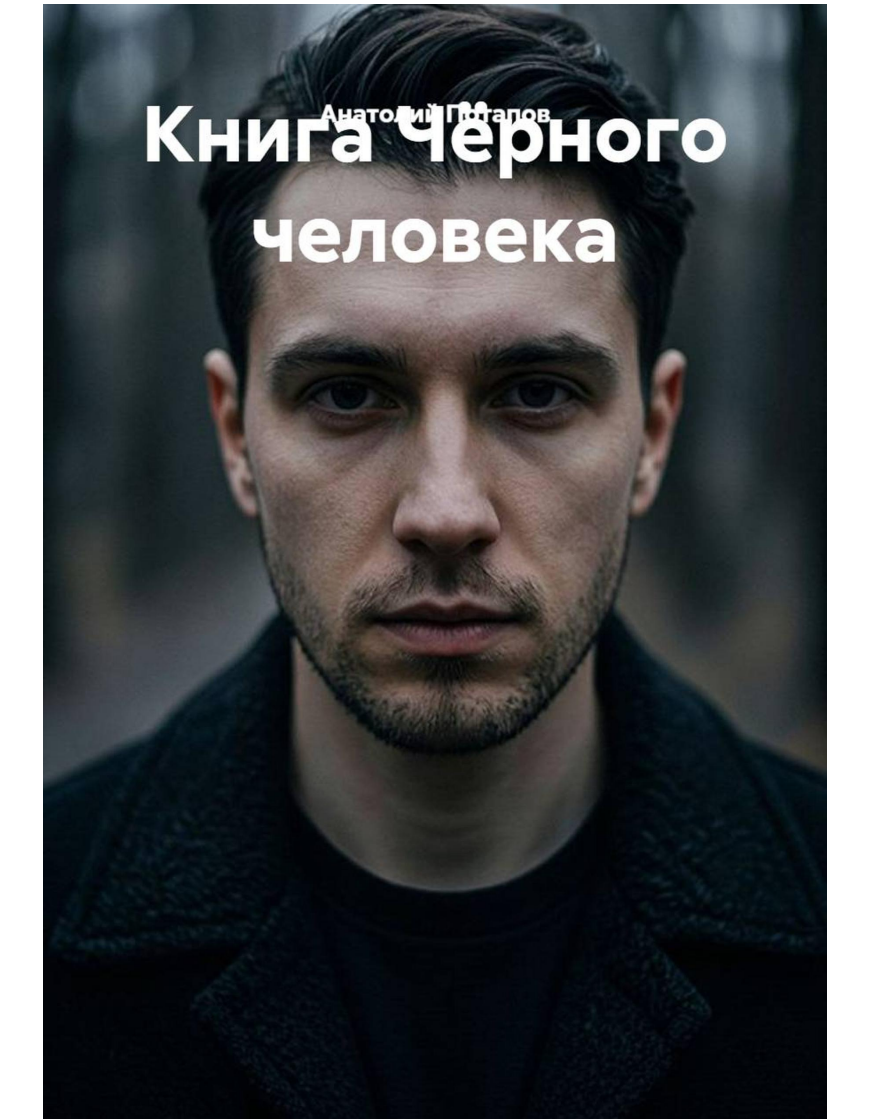

A close-up portrait of a man with dark hair and a light beard, looking directly at the camera. He is wearing a dark jacket. The background is blurred.

Анатолий Потапов Книга Чёрного человека

Анатолий Потапов

Книга Чёрного человека

<https://litres.ru/74536352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маленькая история, но с глобальным продолжением. Это начало всего. Элиас невольно создает культ Менно после трагедии случившемся с его сестрой. Что будет ждать его в будущем? Это и многое другое вы узнаете в этом произведении!

Это мой первый опыт так что качество может скакать от главы к главе.

Анатолий Потапов

Книга Чёрного человека

Искра

Элиас не помнил, когда перестал смотреть на небо. Не в том смысле, что голову не поднимал. Поднимал, конечно. Проверял, не собирается ли дождь. Искал глазами самолёт, если гудел мотор. Но смотреть на небо по-настоящему. Так, как в детстве, когда казалось, что облака — это чьи-то спины, а свет — это кто-то дышит. Как все.

Ему было тридцать два. Он работал в техподдержке средней руки. Не любим, не ненавидим, просто был. Телефон, экран, кофе, чужие проблемы. Жил один. Не потому, что не с кем, просто так вышло. Был друг Вэб, с которым иногда выпивали по пятницам. Была сестра Лия, которую он видел раз в неделю. Была квартира, в которой он спал, ел и иногда забывал, зачем зашёл в комнату. Лия была ближе, чем кто бы то ни было. Не потому, что он её любил больше остальных, а потому, что остальных почти не было. Она держала небольшой цветочный магазин, водила машину, как сумасшедшая, и единственная в его жизни говорила ему правду. Не добрую и не злую, просто правду.

— Ты застрел, — сказала она однажды за ужином, когда

он пожаловался на работу.

— В каком смысле?

— В жизни. Тебе не надоело?

— А должно?

— А сам-то ты как думаешь?

— Я ничего не думаю и тебе не советую.

Минутная тишина.

— Ну, тебе вообще нормально?

Он не ответил. Она допила чай и ушла. Элиас остался сидеть и думать, что она права, и что от этого ничего не меняется. В том месяце в их районе было тихо. Ангелы появлялись редко. Раз в неделю, может, реже. Светлые точки в небе, которые медленно плыли и исчезали. Все знали, что они там. Никто не смотрел. Как не смотрят на провода. Они есть, но их не замечают. Демоны бывали чаще. Один сидел в кафе на углу, каждый вторник, с ноутбуком и стаканом кофе. Никто не знал его имени. Таблички на двери кафе не было, но все в квартале понимали: по вторникам туда лучше не заходить, если не собираешься договариваться. Договаривались многие. Это было как сходить к нотариусу. Неприятно, но иногда нужно. Элиас никогда не договаривался. Ему было нечего предложить и не о чём просить. Лия тоже.

В четверг, двадцать третьего сентября, Лия позвонила ему в одиннадцать вечера. Это было непривычно. Она не звонила так поздно. Он поднял трубку.

— Элиас, — сказала она. Голос был не испуганный. Уста-

лый.

— Чёрт, Лия, два часа ночи?! — сонный и раздражённый.

— Тут рядом что-то происходит. На улице. Светло и громко. Не пойму, ангел или демон.

— Что у тебя происходит? — сон как рукой сняло.

— Я не знаю.

— Сиди, никуда не выходи!

— Хорошо. Элиас, поспеши!

Он стоял в кухне с телефоном в руке и смотрел в окно. Со стороны её района — а жила она в сорока минутах езды — небо было чуть светлее, чем обычно. Не красиво. Не страшно. Чуть светлее, и всё. Элиас знал, что хорошим такое не кончается. Быстро одевшись, он вышел во двор и бежал, как никогда в своей жизни, к Лии. «Может, всё обойдётся», думал он, но продолжал бежать.

Всё не обошлось. Когда он пробежал мимо цветочного магазина Лии, его бег сменился на шаг, потом он и вовсе встал. Телефон был недоступен. Рядом стоял её фургончик. Такие трещины Элиас видел один раз, в новостях, после «инцидента» в соседнем городе. Тогда говорили: «термический перепад». Все знали, что это значит. Никто не говорил вслух. Фургон Лии стоял посередине улицы. Дверь открыта. Ключи в зажигании. На пассажирском сиденье её телефон. Лии не было.

Он обошёл улицу. Спросил у женщины из соседнего магазина — она не видела. Спросил у мужчины, который мыл

окна напротив, — он видел, как вечером было «светло и шумно», но не выходил. Был ещё один свидетель: пацан лет четырнадцати, который болтал с друзьями по телефону. Он сказал:

— Я видел, как две штуки в небе сошлись. Одна светлая, одна нет. Они не дрались. Просто стояли рядом. Давили друг на друга. Как два магнита. А потом что-то щёлкнуло.

— И всё?

— Да, всё.

Элиас не стал спрашивать, что было дальше. Он пошёл в полицию. В полиции приняли заявление. Женщина за стеклом посмотрела на него, на бумагу, снова на него.

— Инцидент? — грубый прокуренный голос.

— Я не знаю.

— Если инцидент, то это в Управление.

— А если не инцидент? — с надеждой.

— Тогда ждите три дня. Если не найдётся, приходите снова.

Она не нашлась. Её нашли через неделю. Не в морге. В больнице, в другом конце города. Бригада скорой подобрала её на улице, без сознания. В карте было написано: «сердечный приступ», вероятная причина — «эмоциональный шок». Она была жива. Она дышала. Она открывала глаза. Но она не узнавала его. Не так, как в кино — без слёз, без драмы. Она просто смотрела на него, как на стену. Без интереса. Без узнавания. Без страха. Он сидел рядом, держал её руку

и говорил: «Лия, это я, Элиас, твой брат», и она смотрела сквозь него, будто его не было.

Врачи сказали: «Организм здоров. Причина такого состояния не установлена. Рекомендуем наблюдение». В графе «диагноз» — прочерк. Элиас знал, что это. Все знали. Когда ангел и демон сходятся слишком близко и между ними оказывается человек, человек не гибнет. Он опустошается. Что-то выгорает. Не мозг, не сердце, что-то другое, чему нет названия. Остаётся тело, которое ест, спит, дышит. И не чувствует. Лия не была жертвой. Не была целью. Она была рядом.

В субботу вечером Элиас вышел из больницы и пошёл пешком. Не домой — к улице, где это случилось. Было темно, тихо, никого. Он остановился у стены, рядом с магазином Лии, и достал из кармана маркер. Чёрный, толстый, которым он когда-то подписывал коробки при переезде. Он не знал, что писать. Не хотел писать лозунг. Не хотел писать имя. Не хотел, чтобы это было призывом или угрозой. Он хотел, чтобы это было чем-то, что останется. Что не сотрут, не закрасят, не забудут. Он написал одно слово: «МЕННО».

Он не знал, откуда оно взялось. Может, от матери — она говорила на старом диалекте, из которого остались только отдельные звуки. «Менно» значило «узел». То, что держит вместе, когда рвётся. Он написал это, потому что больше ничего не мог сделать. Не от злости. Не от бунта. От бессилия. Постоял минуту. Посмотрел на слово. Ушёл. добавилось по-

сле того как нажал добавить главу